

1. Время торопит вперед

Бумажная фабрика в Ляскеля
пос. Ляскеля, 1940 г.
Автор съемки не установлен

Три раза в сутки бывает шумно на центральной улице Ляскеля — когда меняются смены на бумажной фабрике. Размеренно, неторопливой походкой прошагает трудовой люд, чтобы сменить своих товарищей у станков и машин, а затем поселок бумажников опять погружается в тишину до следующей пересменки, И только сама фабрика, окутанная огромным облаком пара, натуженно гудит в своем рабочем ритме. Здесь жизнь не прекращается ни на минуту. Белый водопад бумаги беспрестанно сбегает с бумагоделательных машин, и кажется, что и машины, и люди все подчинено этому своеобразному падению белизны.

В механической мастерской, на бирже, в бухгалтерии, в кабинетах главного инженера и директора — везде и всюду говорят о бумаге. И так — изо дня в день...

История эта слишком велика для одного человека, и Моисей Яковенко почти никогда не рассказывает о своей судьбе, так как воспоминания вызывают горечь на его душе. И только тогда, когда Яковенко остается наедине с собой или смотрит, как радостно играют Алешка и Саша, прошлое, словно большая грозовая туча, встает перед его глазами.

...Молодым парнем угнали немцы Моисея в Германию. Небольшое село Роскошовка на Украине война не обошла стороной. Новые хозяева установили свои жестокие законы, а судили как звери: приговор один — расстрел. И вот, когда наступление гитлеровцев захлебнулось под Москвой и Сталинградом, фашистам потребовались дешевая рабочая сила и новое пушечное мясо.

«Великая Германия ждет вас, русские парни и девушки!», «Вступайте в Армию освобождения!» — эти лозунги и заманчивые выкрики вербовщиков разносились как зловещая эпидемия. Не хочешь ехать добровольно, угонят насильно.

Так Моисей Яковенко попал в Германию. Родина теперь далеко, а впереди — неизвестные годы мучений и нечеловеческих условий жизни. И только большая вера в победу, надежда на освобождение союзными войсками, пусть хотя и не скорое, вселяла в Моисея гордое чувство неминуемой расплаты с врагом.

Но освобождение пришло не сразу после победы. Моисей и его товарищи оказались в американской зоне. Американцы пришли не как освободители, а так же, как и немцы а свое время, начали вербовку советских людей.

Однажды, после бесконечных , обещаний отправить в зону Германии, занятой Советской Армией, Моисея Яковенко вызвали в штаб «освободителей», Развалившись в кресле и смачно дымя гаванской сигарой, бледнолицый американский офицер не спеша стал задавать ему вопросы:

— Ты хочешь принять американское подданство?

Для Моисея этот вопрос был не нов , товарищи по бараку, куда их поселили, говорили ему, что их уже агитировали предать Родину.

— Нет. Я хочу вернуться в Советский Союз. Я требую, чтобы американское командование соблюдало человеческую гуманность и справедливость. Я требую, чтобы всех советских военнопленных, заключенных и угнанных не по своей воле советских граждан, американское командование переправило в советскую зону Германии. На какие-либо другие вопросы, подобные этому, я отвечать отказываюсь!

Переводчик, нагнувшись близко к офицеру, что-то прошептал ему на незнакомом Моисею языке.

Офицер неожиданно резко выскочил из кресла, подбежал к стоявшему у порога Моисею и закричал прямо в лицо:

— То, что ты попал а Германию, уже предательство! Ты думаешь, тебя на Родине встретят с объятиями. Тебя загонят в Сибирь, русский болван!

Моисея словно резанули эти слова, он побледнел, но продолжал стоять молча. Офицер и переводчик уставились на него, ожидая испуга и разочарования. Затем поняв, что от него ничего толкового не добиться, офицер уже спокойно сказал:

— Ну, так что же?! Чем могу быть полезен я тебе?

— Я требую, чтобы всех нас вернули в Восточную зону Германии! — твердо и непоколебимо проговорил Моисей.

— Пошел вон — устало махнул рукой офицер.

После долгих мытарств Моисею и его товарищам по неволе удастся, наконец, вернуться на Родину. Прямо в Бресте, на границе с Германией, Моисей записался в восстановительный батальон и был направлен в Карелию. Уже в Ляскеля, куда их привезли на восстановление бумажной фабрики, Моисей вторично повстречался с немцами. Но это были уже не те вояки, которые в начале в войны походили на сверхчеловеков. Пленные немцы жили в бараках в километре от фабрики. Они также участвовали в восстановлении разрушенного поселка бумажников. Многие из них встретили крах фашистской Германии радостно, даже с каким-то диким восторгом, и при встрече с русскими весело кричали:

— Комрад, молодесь! Шарашо, комрад! Фойна — нет. Фойна — капут! Рапотать нато на жиснь!

Их приводили строем, они работали отдельно от советских людей, участвующих в восстановлении фабрики, но Моисей постоянно ощущал к ним ненависть за все то, что он пережил. Порой ему приходило в голову, что немцы не строят, а вредят. И вечером, когда на фабрике никого не оставалось, он приходил в цехи и рьяно прощупывал каждый кирпич, положенный пленными в стены фабрики. Но пленные работали на совесть. Поселок быстро рос. Появлялись новые дома. Вскоре на фабрике была смонтирована первая бумагоделательная машина, и уже в 1945 году она дала первую свою продукцию. В 1947 году из Германии была доставлена вторая машина, а через год и она вступило в строй, хотя восстановление фабрики еще не было завершено.

Полюбился озерный край Моисею Яковенко, и он решил остаться в Ляскеля. Вскоре

сыграл свадьбу с молодой Марией, которая после окончания целлюлозно - бумажного техникума в . г. Кувшиново была направлена на Ляскельский комбинат, и прочно осел в поселке бумажников.

Далеко ушло то время. Сейчас у Моисея Архиповича Яковенко выросли сыновья — Алешка и Сашка. Да и сам поселок резко изменился, а фабрика как-то незаметно для него самого стала вторым домом. Сейчас Яковенко работает механиком котельной, которая вырабатывает пар для фабрики. Но иногда он заглянет в бумажный цех, остановится у машин и долго смотрит, как непрерывным потокам льется белый водопад бумаги, когда-то пущенный его руками. И сразу забывается горькая молодость, та тяжелая судьба, которая выпала на долю этого человека. Время торопит вперед!

2. Легко ли быть директором

Александр Михайлович Обломский, директор Ляскельского целлюлозно - бумажного комбината, уже в годах. Этот высокого роста мужчина вряд ли когда бывает не в духе. При разговоре со своими сотрудниками он всегда корректен и вежлив, хотя разговоры в кабинете директора далеко не всегда ведутся на приятные темы. Работа есть работа: бывают срывы, бывают и рекорды. Последние, кстати, воспринимаются директором так же спокойно, как и другое какое-нибудь событие на комбинате.

«Кто дал такую высокую выработку? Гусев? Что ж, молодец! Только смотрите, чтобы с машинами было в порядке...» Вот и все, что можно услышать из уст директора. Но он, безусловно, в душе рад, что люди болеют за производство.

Мягкость и уравновешенность характера директора порой даже удивляет самих сотрудников. Сам же Обломский никогда не задумывался над тем, какой у него характер. Он твердо знает одно: закричи на человека, пусть даже за дело, — пропадет настроение у работника на весь день, а дело от этого нисколько не выиграет. Таким методом «накачки» Александр Михайлович не пользуется вообще. Поговорит спокойно, узнает настоящую причину того или иного упущения, а потом также спокойно потребует ее устранить. Вот и сейчас на комбинате создается тревожное положение: допущено отставание. Легко ли быть директором в таком положении? Из управления звонят — почему из райкома партии — почему? Корреспонденты из газет — опять почему? Здесь трудно быть спокойным и сдержанным. Иногда так и хочется собрать всех начальников цехов и отделов и дать разгону, чтобы с следующий раз этого не было! Но Александр Михайлович тут же ловит себя на мысли, что и они в этот момент переживают не меньше его. А кого ругать — коммерческого? Или начальника котельной, который не может обеспечить бумажную фабрику паром? он скажет: уголь плохой, не горит, какой дали, не выбирал... вот весь и ответ!

«Нет, — думает директор, — одним криком план не выполнишь, нужно собрать людей и объяснить им создавшуюся обстановку.

А потом позвонить в Воркуту и попросить, чтобы выслали как можно быстрее с десятков вагонов хорошего угля».

Директором легко быть только тогда, когда все идет гладко: и план перевыполнен, и среди работников нет прогульщиков, пьяниц, когда оборудование новенькое и никогда не выходит из строя. Вот тогда директором быть хорошо: успевай собирать собрания да

заседания, выходи смело на трибуну — докладывай, благодари, вручай денежные премии и грамоты!

А вот, когда фабрика старая, а денег, чтобы настоящий ремонт сделать да заменить изношенное оборудование, не дают, каково здесь директору? Говорят, тяни, на то ты и директор.

Газетная бумага убыточная, а на другой ассортимент заменить ее не разрешают. Жди, когда Кондопожский на полную мощность заведут.

Конечно, каждому хозяйственнику хочется, чтобы предприятие было прибыльное. А разве не приятно, когда тебя и коллектив хвалят — мол, берите пример с них. Но директоров хвалят мало, чаще ругают. Что случилось - виноват директор.

Проходит, бывало, год, бухгалтерия «подобьет» баланс, кажется, вот-вот комбинат вытянет на прибыль, а тут непроизводительные расходы откинь, штрафы и неустойку, великоваты накладные расходы да остальное «съедает» газетная бумага... Снова в убытке! Виноват директор? Виноват.

Решат на фабрике капитально заняться вспомогательными цехами, но начнется новый год, увеличат, как всегда, план, и некогда все это делать, смотри, как бы основные цехи не завалились. А когда дашь промашку, трудно возвращаться назад. Вот и попробуй— разорвись на части!

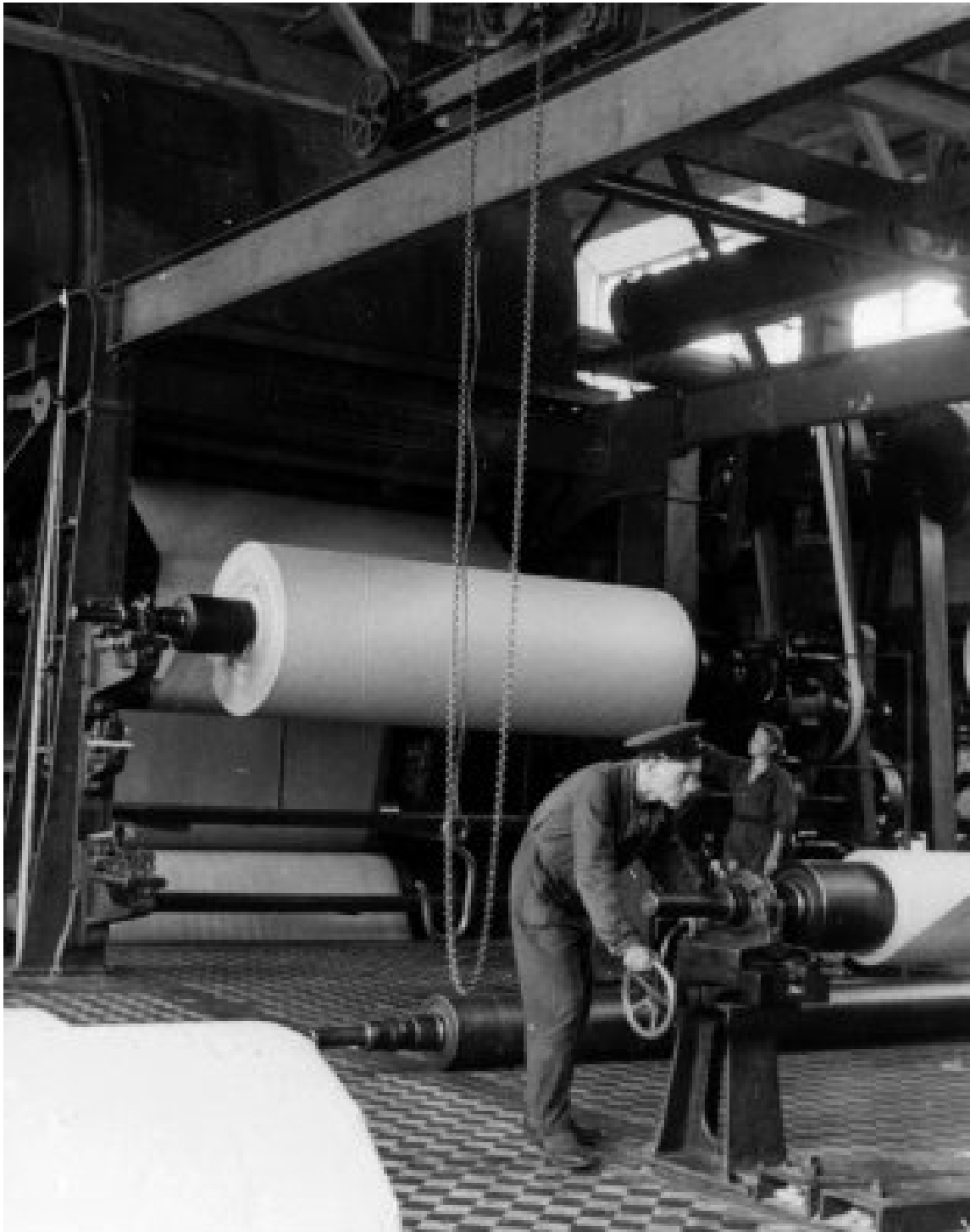
«С грешком ты, Обломский,— усмехнется иногда про себя директор. — Сколько эта чертова угольная эстакада подводила — считай, каждую зиму! А ты — ладно, как-нибудь обойдемся. Вот удастся уговорить управление, чтобы заменили газетную бумагу на обойную, станет полегче, тогда и залатаем все «дыры» на комбинате»...

Но газетную сейчас не заменят, это директор знает отлично, только для успокоения своей совести так думает- Вся бумажная промышленность в строительных. лесах стоит. Сибирь и Дальний Восток на ноги поднимают! Не до Ляскеля...

«Вот завалить бы этот план хоть один разок, тогда и в Министерстве по другому бы заговорили — погрозится Александр Михайлович один у себя в кабинете, отведет душу и опять начнет обзванивать цехи, справляться — как бумага, есть ли целлюлоза, древесина, хорошо ли работают машины?

Много забот у Александра Михайловича Обломского: ему приходится не только заниматься производственными делами, но и общественными: сегодня готовится к собранию, завтра читает очередную лекцию на экономическом занятии специалистов и служащих, послезавтра спешит попасть в райцентр на бюро райкома партии. И все жв главным вопросом повестки любого дня у директора остается бумага!

3. Человек нашел себя...

Цех бумажной фабрики целлюлозно-бумажного комбината «Харлу» пос. Харлу, 1947 г.
Автор съемки Науменков (инициалы не установлены)

~~Целлюлозно-бумажный комбинат «Харлу» в пос. Харлу, 1947 г.~~
4. Рождение скорости.

Год, примерно, назад центральные газеты сообщили интересную новость: кондопожские бумажники на седьмой бумагоделательной машине развили скорость до 750 метров в минуту. Для целлюлозно-бумажных предприятий нашей страны такая скорость до сих пор была недостижима. Да и в мировом масштабе кондопожцы добились одного из лучших результатов.

Скорость — понятие абстрактное. Достигается она в различных отраслях промышленности по-разному. Но главное зависит от мощности двигателя. В любой промышленности этот критерий является основным. Однако, понятие скорости в бумажной промышленности в корне отличается от других — здесь и мощность двигателя позволяет ее развить и желание есть, а добиться даже незначительного повышения скорости очень сложно. Необходим опыт не только одного специалиста, но и всего коллектива, обслуживающего полный технологический поток.

Скорость на бумагоделательных машинах рождается не сразу. Она растет медленно. А порой приносит много огорчений людям. Но опытные бумажники тщательно изучают просчеты, снова и снова добиваются рекорда.

На бумажной фабрике «Ляскеля» самая скоростная машина — первая. На ней изготавливается, или, как говорят старые рабочие, отливается газетная бумага. Скорость этой бумагоделательной машины нельзя равнять с кондопожскими - всего 250 метров в минуту если сравнить те условия труда, в которых работают ляскельские бумажники, те они держат свой недостижимый рекорд. Ляскельцы сделали все от них зависящее, чтобы первая машина работала на максимальной скорости.

Как же родилась эта скорость? Давайте сначала познакомимся с одной из передовых бригад бумажного цеха: бригадир — сеточник Григорий Бондаренко, старший сушильщик — Владимир Строгалев, помощник сушильщика — Сергей Хорошев, старшая размольщица — Лидия Семенюк, трембейщица — Евгения Пекшуева, старший резчик — Мария Митрофанова и подручные резчика — Галина Богданова и Валентина Сердцелюбова. Все они работают на первой бумагоделательной машине. Люди разные, как по возрасту так и по опыту. Но судьба свела их в одну бригаду и сдружила между собой.

Обслуживают они машину на разных участках, но все подчинены общему делу — как можно больше дать бумаги. За качество тоже все в ответе. По итогам социалистического соревнования за прошедший год бригада Г. Бондаренко выработала сверх плана 531 тонну газетной бумаги. Это самый лучший результат из всех бригад буммашины. И в 1968 году члены передовой бригады не собираются уступать первенства.

...В этот раз бригада Бондаренко заступила в ночную смену. Машина работала без поломок. Обрывы бумажного полотна были редко. Скорость 230 метров в минуту. Как всегда, сеточник внимательно следил за концентрацией массы, поступающей на сетку машины: каждое колебание в ее подаче может явиться причиной брака.

Владимир Строгалев и Сергей Хорошев находились у сушильной части машины. Все хорошо. Пар нормальный, и еще не успевшая как следует просохнуть бумага плавно бежала из под каландров. Ритм работы не нарушался.

Григорий Бондаренко оторвал взгляд от бешено несущейся массы и задумался.

— Вчера на зарядке начальник фабрики говорил, что с машины идет много брака.

Конечно, он будет, если с паром творится черт знает что! — усмехнулся бригадир, вспоминая вчерашний разговор. Неожиданно произошел обрыв бумажного полотна. Стоп! Машину остановили. Сушильщик Строгалев со своим помощником стал заправлять полотно. Не успели пустить машину — снова обрыв.

Бондаренко решил снизить скорость машины. Но и после этого обрывы повторялись. За смену их было более десяти.

Удержать скорость бумагоделательной машины не так-то просто. В данном случае Г. Бондаренко вынужден был ее снизить из-за того, что котельная не смогла обеспечить бумажный цех паром. Значит, и там что-то произошло. А в котельной просто-напросто не могут поднять в котлах нужную температуру — плохой уголь. Значит, скорость бумагоделательных машин рождается, как правило, не в бумажном цехе. Она рождается во вспомогательных отделах и зависит от работы коллективов целлюлозного завода «Харлу», древесно-массного завода и лесных цехов. Случись что-либо здесь, бумагоделательные машины вынуждены останавливаться.

Скорость буммашин рождается медленно. За ней следят технологи комбината, механики, мастера и слесари. Даже шоферы, доставляющие на своих машинах целлюлозу с завода «Харлу», и те подчинены этому своеобразному белому водопаду бумаги. Борьба за скорость ведется трудная и упорная. Эта борьба — в повышении производительности труда рабочих всех цехов, совершенствовании технологии, в механизации и автоматизации трудоемких работ, и наконец, в сегодняшней реконструкции всего целлюлозно-бумажного производства.

Счет ведется в метрах. Повысилась скорость на один метр, значит, весь коллектив фабрики стал лучше работать, значит, в каком-либо цехе рабочий внес еще одно ценное рационализаторское предложение. Десять лет тому назад, в 1957 году, бумажники на первой буммашине добились, казалось бы, предельной скорости — 229 метров в минуту. Тогда многие думали; предел, дальше при таких условиях скорость развить нельзя. Считали, что целлюлозный завод не сможет обеспечить ритмичную доставку целлюлозы, древесно-массный завод со своими вечными перебоями сорвет подачу древесной массы. Так думали.

Но вот уже в 1965 году первая буммашина развила скорость до 242 метров. А в 1967 году в отдельные месяцы скорость достигала 250 метров в минуту.

Это был успех всех. Внедрение новой техники и передовой технологии на целлюлозном заводе «Харлу» дало возможность комбинату впервые за многие годы достигнуть опережения производства целлюлозы по отношению к производству бумаги. А при полном и ритмичном обеспечении целлюлозой росла и скорость, были капитально отремонтированы сеточные столы, прессы и сушильные части всех буммашин. Это обеспечило увеличение выработки бумаги.

Но борьба за увеличение скоростей бумагоделательных машин не окончена. Она продолжается. Пусть сегодня одну бригаду постигнет неудача, зато другие снова и снова будут добиваться своего. И когда-нибудь мы прочитаем в газете: «Ляскельские бумажники, несмотря на сложные условия работы, добились новых успехов. На первой бумагоделательной машине развита скорость до 300 метров в минуту. Родилась новая скорость...»

Мы не беремся утверждать, что это будет через год, два или три... Но это обязательно будет. В это верят и директор комбината А. М. Обломский, и главный инженер Г. Г. Галушак, и ветераны комбината Г. М. Бондаренко, С. Н. Понамарев, лучшие

У истоков белого водопада

Добавил(а) Administrator

15.02.12 17:54 - Последнее обновление 31.05.12 17:07

рационализаторы Б. Егоров и М. Яковенко передовики социалистического соревнования А, Лобачев, М. Гусев, и те, кто сейчас идет на работу, чтобы сменить своих товарищей у станков и машин. В это верят все творцы «белого водопада».

Ю. ДРЫГИН, Л. КАШИРИНА.

"Новая Ладога" 1968 г.